

Дмитрий Бриценко

НЕМОЙ ОГОНЬ

•

Мне снится жизнь многоэтажек,
Бескрайний сумрачный простор,
Посконный тусклый быт шарашек,
Бетонный серенький забор.

Борис Кармаль и Федор Кастро,
Их огнестрастный поцелуй,
Под телика неяркий растр
Желаешь — жни, а хочешь — куй.

Мне снятся зеркала из глины
И Брежнев: ставит в угол кеды,
И одноклассница Марина:
«Ох, — плачет, — прилетят ракеты!»

Мне снится Кучинская свалка,
В компании моих друзей
Не отыскал там жвачки — жалко,
Мы специально шли за ней.

Мне снится Сухоруков Саша,
Отличник был, бандитом стал,
Сто грамм свинца на грудь принявший,
Забытый всеми криминал.

Мне снится дивный «Суперченнел»,
Он клипы модные крутил,
И тот простой, без фильтра, «Кэмел»,
Что друг из Штатов привозил.

Мне снятся сникерсы и твиксы,
Стихийный рынок на Тверской,
Обменники, с мобилой чиксы,
За водкой давка, боже мой...

Я просыпаюсь; как обычно,
Горит неоновый рассвет,
Пейзаж какой-то непривычный,
Но сколько спал я? двадцать лет?

Дурное, вязкое похмелье,
Куда ни глянь, повсюду тлен,
Уже никто не помнит сущность
Той, что пыталась встать с колен.

Ведь оказалось — все так тонко,
Чуть носом ткни и в дырах холст,
Струною лопается звонкой
И рушится во весь свой рост

Мир, что мечтал заговоренным
Стоять на многие года,
Алхимиками сотворенный
По формуле да — да — нет — да.

Да, годы этой странной жизни,
Мелькнули, как кометы хвост,
Грядут египетские казни,
Разоружай блокпост.

И лишь бетонные постройки,
Перешагнут свой век,
Как тот, учащийся на тройки,
Беспечный юный человек,

Они и будут в назиданье
Стоять до самого конца,
Когда не вспомнить ни названий,
Ни черт лица...

Накину снова телогрейку
И, подвязав ремнем,
Пойду на Птичий, канарейку
Искать с неммым огнем.

●

Хотел сказать, здорово, Людка,
Гляжу: то лодка, а не Людка,
И вот уже я уплываю
По направлению к раю.
Хотел сказать я, то есть, к Рае,
К своей подружке из райкома,
Но врач орет, какой, блин, рай,
Там кома!
И в комнате
Твоей из глины...
Лины?! Я вцепился в имя,
Как в круг спасательный...
...Ты будешь вечно заключен,
Продолжил он. Из Лины вышел,
В глину и уйдешь.
Тут врач расправил крылья,
Сверкнул улыбкой и махнул рукой.
И тут же вне, внутри
И в межеумках
Из всех орудий
Громыкнул покой.

СЛУЧАЙ В ПОЛИКЛИНИКЕ

Мне от панических атак
Был выписан бигмак.
Нет, ну а что, сказал мне док,
Висит над вами рок,

Бигмак совсем не повредит,
И сел читать Reddit.
Я сделал робкий шаг за дверь,
Там очередь стоит.

У бабушки в руках донер,
Шаурму ест пенсионер,
И мнет в руках филе-о-фиш
Приземистый крепыш.

Воспоминанием в тот же час
Мне обожгло мозги,
Как, вперив в телевизор глаз,
Лечились от цинги.

Как в 90-е, устои руша,
Ячень сводили ножкой Буша,
А твикс положишь на мозоль,
И мигом стихнет боль.

Врачей учили по науке
Предотвращать ущерб,
Ну, там попрыгать на батуте,
Попить отвар из верб.

И мы любили эскулапов,
Рецепты кислых щей
Писали нам куриной лапой,
Как средство от прыщей.

Один лишь дед мой, отставник,
Твердил, как ученик:
«К врачам ходить я не хочу!»
И пил свою мочу.

Ну что же, раз такое дело,
То я доем бигмак...
И мое тело овдовело,
Оставшись без атак.

СЛУЧАЙ НА ЗАВОДЕ

Вчера заглянул под станок — туда закатилась втулка,
Гляжу, а там бородой шевелит небольшое, злобное Ктулху,
Дикая тварь уже наполовину сожрала деталь,
Да что ж за дела такие, в глазах моих засверкала сталь!

На той неделе в литейном цехе объявился чертов кальмар,
В начальника цеха, Сашку Седого, как клещ вцепился; кошмар!
Едва отбили, но теперь наш родной Санек,
Как из русской сказки, мать его, колобок.

Вчера же, в обеденный перерыв, когда я ходил за едой,
В цех вломился, крышу пробив, Чужой,
Немало наших он положить успел,
Прежде чем Федька Молот завелся и прекратил беспредел.

А в ту среду на огонек заглянул Терминатор-5,
Женька Шнырь только и крикнул: «твою же мать!..»
И тут же умер; но мы-то сильны умом:
Загнали гада в чан с расплавленным чугуном.

Что было дальше? Я, закатав штанины,
Выгнал к чертовой матери Ктулху шваброй из-под станины,
А там напарник мой, Колька Стальной Кулак,
Рихтанул ему нахрен болгаркой чертов его костяк.

С каждым часом нас меньше и меньше... Не жди меня, мама,
Силы ада шлет сюда черный мистер Обама,
Вампиры, зомби, лепреконы, пинхеды, валькирии...
Но мы все равно будем делать бомбы для Сирии!

И пусть убираются черти обратно в свой жаркий ад,
Нас накроет сирийским флагом и в лоб поцелует Асад.

НЬЮ-ЙОРК

Играли во дворе во что-то,
То ли в чижика, то ли в другое,
Подходит Вован, пошли, говорит,
К школе,
Покажу щас Нью-Йорк.
Пока шли, думал,
Почему Нью-Йорк,
Зачем Нью-Йорк,
Это вроде город какой-то
В Америке.
Там довольно страшно жить,
Уличная преступность,
Кражи со взломом,
Наркотики и убийства,
И страшная борьба без правил,
Под названием «реслинг».
Не то дело у нас,
В тихом маленьком
Южноуральске,
Максимум что может случиться,
Это драка район на район,
Экрановские против ресторановских,
Экрановские это от кинотеатра «Экран»,
А ресторановские
По имени единственного в городе
Ресторана,
Кажется, он так и назывался,

Не «Арагви», не «Юбилейный»
Просто ресторан.
Еще были парни со Свечки
Свечка — это вечный огонь,
Недавно какой-то парень погиб,
В драке нарвался на нож,
Лезвие вошло снизу вверх
И достало до сердца.
И теперь на асфальте цветы,
Аккурат напротив кинотеатра
«Экран».
Но все равно все не так,
Как в Нью-Йорке,
Не так безысходно и страшно.
Но при чем тут Нью-Йорк,
Вова, конечно, был странный пацан,
Думал об этом, но шел покорно,
Вова был старший
Товарищ по играм
И знал что почем.
Дошли до кустов,
Что под стенами школы,
А там, в самой гуще
Лежали страшные, без голов,
Без кожи и лап
Красные туши собак,
Две крупные туши.
Какой-то садист
Отрубил им головы,
Лапы по колено,
Позже кто-то сказал,
Что из них таким образом
Сделали шапки,
А туши просто подбросили
В эти кусты
Возле здания школы.
Как будто нельзя было
Места другого найти,

Стоял и смотрел,
Не в силах отвести от них взгляда,
А Вовка, дурак, идиот,
Стоял и бубнил,
Это Нью-Йорк,
Это Нью-Йорк,
Вот такое оно,
Это Нью-Йорк
Нью-Йорк,
Кретин.
То ли, правда, debil,
Как про него говорили,
То ли съехал с катушек,
Когда нашел эти туши,
То ли юмор такой необычный,
Специфичное воображение.
Потом еще долго
Вспоминал эти страшные туши
При слове Нью-Йорк,
Произнесенном диктором,
Прочитанном в книге
Или услышанном
От друзей,
Перед глазами сразу вставали
Туши бедных собак.
Нью-Йорк,
Нью-Йорк,
Гудбай Америка, о.
А Вовка, кретин, идиот,
Не пришел в третий класс,
Тем же летом,
Купаясь в реке,
Утонул.